

© 2018 г.

Григорий Баженов

кандидат экономических наук, младший научный сотрудник
экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова
(e-mail: 3041212@gmail.com)

Александр Мальцев

кандидат экономических наук, доцент
Уральского государственного экономического университета
(e-mail: almalzev@mail.ru)

СОВРЕМЕННЫЕ ГЕТЕРОДОКСАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИИ МЕЙНСТРИМА

В статье исследуется феномен современной гетеродоксии в экономической науке, формирование и функционирование которой рассматривается в рамках процесса трансформации экономического мейнстрима. Авторы формулируют понятие современного мейнстрима, а также разбирают теоретико-методологические позиции представителей различных направлений гетеродоксальной экономической теории. Предлагается матрица гетерогенности, в которой каждому гетеродоксальному направлению экономической науки присваивается позиция относительно мейнстрима.

Ключевые слова: экономическая методология, современные нетрадиционные подходы, институциональный подход, эволюционный подход, австрийская школа, феминистская экономическая теория, социология экономической теории

В последние годы в литературе едва ли не общим местом стал рост критических настроений в отношении положения дел в современном мейнстриме – основном русле экономической науки. Все увереннее пробивает себе дорогу мнение о том, что представители магистрального течения полностью отрешились от изучения реалий хозяйственной жизни и занимаются лишь разгадками интересных только им самим математических головоломок. Однако подобная громкая риторика отвлекает внимание от крупных изменений, происходящих в мейнстриме, оставляющих все меньше поводов для такого рода претензий.

На фоне ожесточенной критики магистрального течения возрос интерес к альтернативным по отношению к основному руслу направлениям экономической мысли, обобщенно именуемым гетеродоксией. К сожалению, теоретико-методологический ландшафт гетеродоксии изучен недостаточно. Еще менее проработан вопрос о возможных перспективах интеграции наработок, появившихся в гетеродоксальном «лагере», в мейнстрим.

1. Что представляет собой современный мейнстрим экономической теории?

Сегодня всё чаще можно слышать о кризисе мейнстрима экономической теории. При этом в головах критиков мейнстрим зачастую воспринимается чрезвычайно монолитным, статичным и неизменчивым конгломератом идей, которые зависли на уровне разработок 40-х-50-х гг. XX века¹. Помимо критики мы наблюдаем появление альтернатив основному руслу, отстаивающих свою позицию относительно метода исследования социально-экономических процессов и явлений. Если объединить эти альтернативы в одно множество, то его можно назвать «гетеродоксальные направления экономической теории» (Heterodox Economics).

Однако в рамках серьезного приближения становится ясно, что как мейнстрим, так и всё множество гетеродоксальных направлений современной экономической науки не имеют внятного определения², подчиняясь вполне стандартным статичным классификациям, которые используют историки экономических учений в качестве «костылей» для теоретиков [12]. В то же время наука, выступая в качестве особой сферы человеческой деятельности, динамична, подвержена разной значимости трансформациям, а также «варится» в сложном котле идейного пространства, где неизбежны различного рода взаимодействия даже самых противоположных направлений мысли.

В работе «Изменение облика мейнстрима экономической теории» Д. Коландер, Р. Холт и Б. Россер, анализируя процесс трансформации основного русла, отмечают схожесть доминирующих тенденций в экономической науке с моделью развития научного знания, предложенной И. Лакатосом [12]. Согласно Лакатосу, изменения в науке не носят революционный характер, они постепенны и касаются в первую очередь вспомогательных гипотез *ad hoc* («предохранительный пояс»), которые вращаются вокруг «жесткого ядра» — системы принятых допущений и предпосылок, позволяющих выстраивать целостную теоретическую концепцию. В целом развитие науки мыслится Лакатосом в контексте конкуренции исследовательских программ, каждая из которых состоит из «жесткого ядра» и «предохранительного пояса». При этом опровержение предпосылок, содержащихся в ядре программы, невозможно силами самой программы, доработка теории происходит в пространстве пояса, к гипотезам которого преимущественно и направлены критические замечания конкурирующих направлений. Если же атаке подвергается ядро, и атака венчается успехом, исследовательская программа теряет свою актуальность.

¹ Подробнее см.: [4]

² Среди немногочисленных русскоязычных обзорных работ, посвященных в том числе гетеродоксальным направлениям экономической науки, следует отметить статью А. Либмана «Современная экономическая теория: основные тенденции» [3].

Данный взгляд на специфику изменений в науке в некотором роде противостоит идеям Т. Куна, который предполагал наличие взрывных, резких перемен — научных революций, опрокидывающих доминирующую парадигму и возводящих на пьедестал оппозиционную теорию. Однако Д. Коландер отмечает, что научные революции, конечно, имеют место, но они редко осознаются современниками — профессиональными учеными, работающими в той области, в которой наступают перемены. Коландер на примере становления современного мейнстрима экономической теории показывает, что трансформация науки происходит постепенно в духе модели Лакатоса, но *post factum* историки мысли, оперирующие статичными классификациями («костылями» теоретика), постулируют наличие революционной смены парадигмы, находя порой даже конкретные даты и события, которые становятся точкой отсчета доминирования новой теории.

Используя точку зрения Коландера на суть и динамику изменений в науке, рассмотрим феномен современного мейнстрима.

В своих работах профессор Миддлберийского колледжа Д. Коландер [10], [11], [13], применяя методы социологического исследования (анкетирование и интервьюирование студентов ведущих аспирантских программ США в области экономики), анализирует эволюцию теоретико-методологических основ научной деятельности на основе позиций тех, кто непосредственно «делает экономическую науку», а также рассматривает их отношение к наиболее значимым теоретическим разработкам в рамках экономической науки, начиная с 1980-х гг. Коландер отмечает, что аспиранты американских университетов (к началу 2000-х гг.) считают наиболее релевантной парадигмой неоклассику, однако наряду с сугубо теоретическими математизированными построениями высоко оценивают потенциал инструментария «царицы наук» в эмпирических исследованиях [10].

Схожие исследования проводились также в странах Старого Света. Опрос экономистов ФРГ, проведенный в 2006 году, демонстрирует в целом схожую картину [15. Р. 319, 323]. Любопытно отметить, что экономисты страны, богатой национальными направлениями экономической науки (историческая школа, ордолиберализм), в большей степени симпатизируют работам в духе неоклассической экономической теории, а не собственным экономико-теоретическим традициям. Примечателен также и тот факт, что 2/3 немецких респондентов отвергают мнение о том, что «*homo oeconomicus*» является искаженной картиной реальности и поэтому бесполезен» [15. Р. 320]. В отличие от Германии в итальянском сообществе экономистов около 1/3 респондентов определяют себя в качестве своеобразных «эклектиков», в свою очередь лишь 17,6% идентифицируют себя с неоклассикой [14. Р. 10]. В результате нашего социологического исследования российского академического сообщества экономистов выяснилось, что «лишь 25,7% респондентов ощущают себя частью мейнстрима экономической науки, а удельный вес специалистов, однозначно

не идентифицирующих себя с «основным течением», оказался в 1,5 раза больше — 39,6%» [5. С. 14]. При этом всего 9,7% опрошенных считают себя представителями неоклассической парадигмы, а наибольшей популярностью пользуется институциональное направление экономической науки [4], [5].

Интересно рассмотреть также методологические предпочтения экономистов. Сравнительное исследование отношения англоязычных экономистов по обе стороны Атлантики (США и Великобритания) к математизации экономической науки показало по крайней мере неоднозначность восприятия этого феномена. Так, 31% экономистов из США и 45% экономистов из Великобритании «полагали, что с 1950-х гг. навыки математического моделирования повысили репутацию и престиж экономической профессии», в то же время 50% и 21%, соответственно, отмечали озабоченность относительно способности посредством «математических навыков... подготовить молодого экономиста к карьере в промышленности и органах государственной власти» [19. Р. 2–3].

Все указанные штрихи к портрету современной мейнстримной экономической науки, полученные благодаря социологическим исследованиям, демонстрируют нам гибкость методологических позиций экономистов основного русла. Однако наиболее ярко эта пластичность отмечается Коландером и его соавторами. Данные ученые указывают на то, что мейнстрим «отходит от строгой приверженности святой троице — рациональности, эгоизма и равновесия» и переходит к «более эклектической позиции целенаправленного поведения, просвещенного эгоизма и устойчивости» [12. Р. 1]. Именно поэтому «большая часть этой критики [критики, направленной против неоклассики] сегодня не имеет значения, ведь экономическое мышление внутри мейнстрима изменилось» [12. Р. 1].

Коландер с соавторами, и мы согласны с их позицией, резюмируя результаты собственных исследований, приходят к выводу, что «моделирование остается центральным ядром мейнстримного подхода, но характер моделей и предположения, лежащие в их основе, являются гораздо более открытыми и трансдисциплинарными» [12. Р. 10]. Таким образом, представители мейнстримной экономической теории используют математический инструментарий в первую очередь при проведении эмпирических исследований. Современные экономисты основного русла, впитывая исследовательские подходы смежных направлений экономического анализа и других социальных наук, стремятся выйти за пределы «игры в бисер» равновесного анализа.

Важно также отметить, что распространенная точка зрения на мейнстрим как о «войне всех против всех» (иначе говоря, «два экономиста — три точки зрения»), противоречит результатам большого количества социологических исследований. Так, результаты опроса, предпринятого Р. Альстоном, Дж. Керлом и М. Воном, опровергают известное изречение

ирландского писателя Дж. Шоу («даже если все экономисты будут связаны одной цепью, то они все равно не придут к единому заключению»). К примеру, опрос, в котором участвовало 464 респондента, продемонстрировал, что американские экономисты достигли согласия относительно широкого круга макроэкономических проблем [8]. Р. Уэйплс также показал, что помимо экологической проблематики и проблематики социальной защиты, ученые, входящие в Американскую экономическую ассоциацию, демонстрируют консенсус [18]. А исследование, предпринятое профессорами Калифорнийского университета в Сан-Диего Р. Гордоном и Г. Далу, не выявило значительных расхождений в ответах участников «Панели экономических экспертов» (Economic Experts Panel), объединяющей представителей семи наиболее уважаемых экономических факультетов США. Авторы исследования также отмечают, что «немногочисленные расхождения, которые существуют, кажется, вызваны, в основном, нехваткой или отсутствием научной литературы по задаваемому вопросу» [16. Р. 635].

Таким образом, мейнстрим современной экономической науки представляет собой конгломерат профессиональных экономистов, ключевой исследовательской характеристикой которых является математическое моделирование различных экономических процессов вплоть до узких и частных случаев. В настоящее время основное русло с охотой принимает на «вооружение» достижения смежных направлений экономической науки, трансформируя их под собственные исследовательские нужды. Возможно, спустя некоторое время, анализируя ситуацию *post factum* мы сможем, прибегая к сравнительной статике, более конкретно описать все характеристики доминирующей парадигмы. Однако в настоящий момент мейнстрим находится в состоянии динамической трансформации, в которой участвуют различные исследовательские программы.

Подобное положение дел в рамках основного русла заставляет нас задуматься о феномене гетеродоксии.

2. Современные гетеродоксальные направления экономической науки

Неудовлетворенность текущим положением дел в экономической науке все больше выливается в своеобразный протест, выражаемый значительным количеством специалистов разных возрастных групп и академической принадлежности, разочаровавшихся в современном экономиксе. Неудивительно, что в последние годы в поисках альтернативы мейнстриму, растерявшему свой авторитет в глазах многих экспертов, экономисты все чаще обращают внимание на гетеродоксальные течения экономической мысли. Первые упоминания этого термина датируются 1930–1940-гг. Однако до сих пор не сформировалось явное понимание различий между мейнстримом и гетеродоксией. Обычно к гетеродоксам относят тех

ученых, кто отрицает использование математических моделей и чьи методологические установки не отвечают трем основным постулатам неоклассической ортодоксии — «методологическому индивидуализму, методологическому инструментализму, методологической равновесности» [17].

На наш взгляд, термин «Heterodox Economics» необходимо трактовать в широком и узком смысле. Если мы рассматриваем гетеродоксию широко, то у нас под её параметры попадают все те направления экономической науки, которые активно критикуют методологические и теоретические основания основного русла, однако ограничиваются преимущественно атаками на ограниченное количество его методологических положений, добавляя дополнительную теоретическую конструкцию в множество сосуществующих исследовательских программ мейнстрима. Трактуя более узко, к Heterodox Economics следует отнести лишь те направления экономической науки, которые опираются на альтернативные мейнстриму методологические принципы в процессе разработки собственных уникальных теорий, которые стоят либо в открытой оппозиции мейнстриму, либо переосмысливают его основные положения. Важно также отметить, что гетеродоксальные экономические теории не обладают единством теоретико-методологических подходов. При этом, если мы трактуем гетеродоксию широко, ряд направлений воспринимают себя как прямую антитезу мейнстриму, а некоторые, напротив, критикуя лишь определенный аспект, в целом действуют в русле мейнстрима, активно применяя его инструментарий и совсем не вырабатывая собственный. Эти размышления важны для построения матрицы гетерогенности.

2.1. Новая австрийская школа: ротбардианцы и хайекианцы

В настоящий момент австрийская школа дифференцировалась на два основных направления: ротбардианское и хайекианское [1]. Разделение школы на два направления создало парадоксальную и противоречивую ситуацию внутри новой австрийской школы: с одной стороны, происходит маргинализация и обособление ротбардианцев, а с другой наблюдается рецепция целого ряда идей мейнстрима хайекианцами, что привело к появлению внутри школы так называемой Mainline Economics¹ [9]. Новая австрийская школа, таким образом, дифференцируется на сегодняшний момент по оси М. Ротбард VS Ф. фон Хайек.

¹ П. Бёттке считает, что Mainline Economics «следует противопоставить «мейнстриму» экономической мысли. Mainline Economics определяется как набор позитивных утверждений о социальном порядке, которые считались общими начиная с Адама Смита...» [9, р. XVII]. К исследовательским программам, внутри которых ученые сделали позитивные утверждения о социальном порядке, следует отнести Шотландское просвещение, австрийскую школу, школу общественного выбора, а также новых институционалистов.

Среди ротбардианцев следует выделить Г.-Г. Хоппе, Й.Г. Хюльсмана, Х. Уэрта де Сото, У. Блока, Дж.Т. Салерно, Р.П. Мёрфи, Т. Ди Лоренцо и Т. Вудса. Большинство этих авторов являются действительными членами (Senior Fellows) Института Людвиг фон Мизеса (The Ludwig von Mises Institute), основанного в 1982 году Л. Роквеллом, Б.С. Бламертом и М. Ротбрадом при непосредственном участии вдовы Л. фон Мизеса Маргрит фон Мизес. Ротбардианцы признают в качестве базового и основного метода, примененного к исследованиям в рамках социальных наук, только праксиологию (априоризм), а также отличаются консервативными взглядами на социально-культурные и политико-правовые ценности, что способствует маргинализации этого направления школы внутри идейного спектра экономической науки. Идеи Мизеса о рациональном характере рыночного процесса привели к появлению внутри данного направления анархо-капиталистической политической теории, а крайний априоризм – к разработке этического учения, основанного на правах собственности. Жесткое этическое ядро и догматичный взгляд на метод оформляют ротбардианское направление скорее в политическую партию, активно использующую околonaучные методы и научный пафос. Замкнутость воззрений и стойкое неприятие ко всему, что хоть сколько-нибудь колеблет «чистоту» учения, окончательно загоняют ротбардианцев в положение маргиналов. Следует отметить, что данное направление новой австрийской школы следует охарактеризовать уже не столько как исследовательскую программу внутри экономической науки, а скорее как оформившуюся либертарианскую политическую философию, использующую в своих обоснованиях экономические кейсы.

Современные экономисты хайекианского направления тесно связаны с институтом Катона (Cato Institute), университетом Джорджа Мейсона (Меркатус центр) и Нью-Йоркским университетом. Наиболее влиятельными хайекианцами являются П. Бёттке, Р. Гаррисон, С. Хорвитц, П. Лисон, В. Дж. Будро, К. Койн, Р. Робертс, В. Сторр, Дж. Селджин и Л.Х. Уайт. Хайекианцы признают определенные положения равновесного анализа, частичную возможность эмпирической проверки, математический инструментарий и теоретические разработки школы общественного выбора и новых институционалистов, что приводит к более тесному взаимодействию данного направления школы с мейнстримом.

Хайекианцы, используя классические для современной экономической теории методы и инструментарий, не могут себе позволить ротбардианскую однозначность выводов. В отличие от ротбардианцев хайекианцы органично встраиваются в общий поток экономической теории, привнося существенные дополнения как в методологическом, так и в теоретико-концептуальном ключе. В то же время, используя междисциплинарный подход к исследованию, а также участвуя в начатом Г. Беккером процессе распространения на неэкономические сферы методов

экономического анализа, получившего в историографии наименование «экономический империализм», хайекианцы вливаются в общее направление трансформации современной науки. На деле, этот процесс и является тем, что Бёттке называет Mainline Economics.

В последние годы значимо возросло количество книг и монографий, выходящих из-под пера новейших представителей новой австрийской школы. Основными журналами, в которых печатаются современные австрийцы, являются «Ежеквартальный журнал австрийской экономической теории» («The Quarterly Journal of Austrian Economics»), публикуемый издательством Transaction Publishers в США, «Обозрение австрийской экономической теории» («The Review of Austrian Economics»), выходящее дважды в год в издательстве Kluwer Academic Publishers в Голландии, а также публикации «Развитие австрийской экономической теории» («Advances in Austrian Economics»), издаваемые Emerald Publishing.

2.2. Обновленный «старый» институционализм

Главными представителями данного направления экономической науки следует считать Д. Бромли, Э. Мэйхью, Дж. Нидзана, У. Самуэлса, Р. Тилмана, М. Тула, Р. Франка, Р. Хейлбронера и Дж. Ходжсона. Основными организациями, объединяющими «старых» институционалистов, являются Ассоциация эволюционной экономической теории (Association for Evolutionary Economics), Ассоциация эволюционной политической экономии (Association for Evolutionary Political Economy) и Ассоциация институциональной мысли (Association for Institutional Thought). Среди журналов, специализирующихся на исследованиях в рамках «старой» институциональной парадигмы, можно выделить «Журнал институциональной экономической теории» («Journal of Institutional Economics») и «Обозрение эволюционной и институциональной экономической теории» («Evolutionary and Institutional Economics Review»).

В рамках обновленного «старого» институционализма характерно принятие следующих положений:

1. Доминирование принципов методологического холизма, что выливается в приоритет анализа социально-экономической системы в целом, а не поведения населяющих ее индивидов.
2. Изучение не столько количественных, сколько качественных результатов, причин, движущих сил и форм хозяйственных изменений.
3. Ориентация анализа на исследование не застывших во времени отдельных экономических ситуаций, а проблематики долгосрочной эволюции общественных структур.
4. Рассмотрение индивидуального поведения и межчеловеческих взаимодействий как производной воздействия официальных правил и неформальных социальных норм.

5. Осмысление процессов социально-экономических изменений при помощи дескриптивных методов, базирующихся на широком задействовании эмпирического материала и восприятии статистико-математического инструментария как сугубо вспомогательного способа познания окружающей среды.
6. Критика либеральной экономической политики и акцент на феномене экономической власти.

Отвергая типичные для мейнстрима методологические предпосылки и инструментарий, обновленный «старый» институционализм подобно ротбардианцам осуществил своеобразный «исход» из экономической теории, на сегодняшний день в большей степени работая на поприще экономической социологии.

2.3. Посткейнсианство

Среди посткейнсианцев следует отметить С. Вайнтрауба, В. Годли, Ш. Доу, П. Дэвидсона, Я. Крегеля, Х.Д. Курца, М. Лавуа, Х. Мински, Л. Пазинетти, Т. Пэлли, А. Ронкалья, Дж.Б. Россера, Н. Сальвадори и Дж. Харкорта. Статьи посткейнсианской направленности публикуют профильный «Журнал посткейнсианской экономической теории» («Journal of Post-Keynesian Economics») и традиционный для кейнсианства «Кембриджский журнал экономической теории» («Cambridge Journal of Economics»).

Посткейнсианская методология базируется на трёх допущениях: 1) ключевую ролью в экономической системе обладает совокупный спрос; 2) экономика не способна самостоятельно достигнуть оптимального состояния; 3) есть понятные и определенные ключевые условия, которые позволяют стабилизировать политическими средствами экономику. Кроме того, посткейнсианцы постулируют принципиальную неэргодичность мира, что делает невозможным рассмотрение экономики как статического объекта, они отрицают придетерминированность будущего ввиду того, что все социально-экономические изменения происходят только в настоящем времени, а экономические агенты лишены возможности предсказывать грядущие события (элементы калейдо-экономики). Посткейнсианству свойственна также увязка хозяйственных сдвигов с неопределенностью ожиданий участников финансового рынка, домохозяйств и фирм, а также акцент на роли эмоций в принятии решений (традиция *animal spirit*). Одним из центральных вопросов посткейнсианской теории выступает проблема взаимосвязи распределения доходов и экономического роста, также немалый вес занимает теория эндогенной денежной массы (Х. Мински).

Посткейнсианство преимущественно фокусируется на макроэкономической проблематике, что создает ситуацию своеобразного дублирования исследований в духе мейнстрима. На сегодняшний день посткейнсианское

направление экономической науки находится в состоянии кризиса в силу левой политической ориентации исследователей, работающих в данной парадигме, что обуславливает также маргинализацию посткейнсианства в силу идеологической несовместимости с весьма либерально-ориентированным основным руслом.

2.4. Радикальная политэкономия

К представителям данного направления можно отнести следующих исследователей: С. Амин, Ч. Бароне, С. Боулс, И. Валлерстайн, Р. Волф, С. Резник, П. Суизи, М. Уоринг, Н. Фолбер, А.Г. Франк и Д. Харви. Организациями, составляющими институциональный каркас радикальной политэкономии, являются Союз радикальной политической экономии (Union for Radical Political Economics), а также Конференция социалистических экономистов (Conference of Socialist Economists), которая позиционирует себя в качестве международной демократической организации, приверженной развитию материалистической критики капитализма. Среди журналов следует выделить «Капитал и класс» («Capital & Class»), «Международный журнал радикальной политической экономии» («International Journal of Political Economy») и «Обзор радикальной политической экономии» («Review of Radical Political Economics»).

Базовыми теоретическими позициями радикальной политэкономии являются:

1. Критика неолиберальной глобализации, виновной, с точки зрения «радикалов», в социальном расслоении, загрязнении окружающей среды и торможении научно-технического прогресса;
2. Обвинение капитализма в целенаправленном насаждении отсталости на периферии мировой экономики и превращении некогда развитых обществ в сырьевые придатки центров глобального хозяйства;
3. Создание концепции «империалистической ренты» и теории «накопления путем отъема», используемых для описания процессов финансиализации, а также обоснования усиления позиций ТНК в международном разделении труда;
4. Привлечение внимания к проблематике расового неравенства и попытки преодолеть андроцентрическую традицию в современном гуманитарном знании¹.

Концептуально радикальная политэкономия представляет собой нечто иное как развитие марксизма в условиях современности. При этом движение «радикалов» сочетает множество неомарксистских школ (структурный и культурный марксизм, грамшианство, мир-системный анализ и прочее), общим местом для которых являются проблемы социального

¹ Подробнее см.: [6].

неравенства и социальной справедливости, а также сосредоточение внимания на критике процессов глобализации, патронируемой неолиберальной политической практикой.

Радикальная политическая экономия находится в состоянии маргинализации в рамках современной экономической науки и по сути поглощена социологией, которая в свою очередь более лояльна марксистской традиции.

2.5. Феминистская экономическая теория

При рассмотрении феминистского крыла современной экономической науки следует учитывать её немонолитный характер. На деле, мы должны выделить маргинальный левый феминизм, который тесно связан с культурным марксизмом и гендерными дисциплинами (Gender studies), и интегрированную в процесс экономического империализма феминистскую экономическую теорию, во многом приверженную неоклассической традиции.

Ф. Вулли в своей статье «Феминистский вызов неоклассической экономической теории» так описывает состояние этого направления: «Как заметила М. Пюжоль, феминистская экономическая теория не является однородной. Различные позиции, имеющиеся внутри феминистского движения в целом, отражаются и на феминистской экономической теории. С либеральным ее видением можно познакомиться в работах Барбары Бергманн. Она пишет: «Главной отличительной чертой феминистской экономической теории является точка зрения, что существующее распределение экономических обязанностей между полами несправедливо и должно быть устранено». Экономисты-феминистки признают, что женщины находятся в менее благоприятных условиях по сравнению с мужчинами, и по соображениям справедливости являются сторонниками улучшения благосостояния женщин. Л. Браун, подобно Бергманн, подчеркивает факт неравноправного положения женщин: «Характерной особенностью феминизма служит представление, что на протяжении всей обозримой истории в большинстве обществ женщины как группа находились в худшем социальном, экономическом и политическом положении, чем мужчины». Экономисты-феминистки, вдохновленные феминистской критикой естественных наук, начали также ставить под вопрос объективность экономической теории. П. Инглэнд спрашивает: «Что может экономическая теория почерпнуть из феминизма?» – и дает ответ: «Необходимость обращать большее внимание на гендерные предубеждения в экономических исследованиях» [2. С. 77].

Таким образом, к левому феминизму в экономике мы можем отнести таких исследователей как С. Хардинг и П. Инглэнд, а к феминистской экономической теории Б. Бергманн и Ф. Вулли. Для первых ключевой

позицией является необходимость проведения феминистских эмпирических исследований, свободных от сексизма и андроцентристского вектора, вторые же фокусируются на теоретическом и документальном подтверждении различий в благосостоянии мужчин и женщин, а также, с одной стороны, в критике подхода Г. Беккера к пониманию экономики семьи, внутри которой согласно представителям феминистской экономической теории необходимо дифференцировать мотивы и предпочтения по гендерному признаку, а с другой, в акцентировании важности модернизации его модели дискриминации на рынке труда (включить гендерную проблематику).

Основной организацией, объединяющей исследователей данного направления, выступает Международная ассоциация феминистской экономики (International Association for Feminist Economics), а ключевым журналом является «Феминистская экономика: гендер, положение и культура» («Feminist Economics: Gender, Place and Culture»).

Как и в случае с новой австрийской школой, ситуация с феминистской экономикой неоднозначна. С одной стороны, наблюдается маргинализация и слияние с социологией левого феминизма, а с другой – интеграция феминистской экономической теории в мейнстрим в рамках процесса экономического империализма.

2.6. Гетеродоксальные направления экономической науки, тесно связанные с естественно-научными методами (эволюционная экономика, нейроэкономика, экономофизика)

Эволюционная экономика, нейроэкономика и экономофизика представляют собой попытку полноценной переработки микроэкономических оснований экономической науки, ее методов и основных категорий.

Так, эволюционисты предлагают описание экономики как эволюционной системы с использованием биологической эволюции в качестве ключевой метафоры. Вместо типичных для неоклассики статических состояний эволюционная экономика исследует динамический эволюционный процесс изменений, центральным драйвером которого является технологический прогресс, а также способность экономической системы обрабатывать знания и встраивать новую информацию в процесс инновационных трансформаций. Эволюционисты активно используют шумпетарианскую концепцию «созидательного разрушения», при этом вводя по аналогии с генами в биологической эволюции понятие рутин, изменения которых и составляют существо экономических трансформаций. Основными представителями эволюционной экономики являются Р. Нельсон и С. Уинтер, которые в 1982 г. опубликовали совместную работу «Эволюционная теория экономических изменений». Институциональным центром эволюционистов выступает Международное общество

Й. Шумпетера (International Joseph A. Schumpeter Society), а ключевым журналом «Журнал эволюционной экономики» («Journal of Evolutionary Economics»).

Представители нейроэкономики (П. Глимчер, А. Рангел, Р. Мантегю, К. Камерер, Д. Лейбсон, К. Маккейб, П. Зак) сосредоточены на конкретизации базовых микроэкономических предпосылок относительно специфики экономического поведения путем привлечения в пространство экономической науки типичных для нейробиологии и сравнительной поведенческой психологии методов: неинвазивные (фМРТ и транскраниальное магнитное стимулирование мозга) и инвазивные (изучение нейронной активности у животных и реакций пациентов с нарушениями мозговой деятельности), методы биохимические (изучение влияния гормонов на поведение) и молекулярно-биологические (изучение влияния генов на поведение), этологические и зоопсихологические методы.

Нейроэкономисты стремятся исследовать механику принятия решений человеком на разных уровнях, от генного до социального. В качестве ключевой гипотезы они используют базовую установку неоклассики о максимизации полезности. Однако нейроэкономисты сосредоточены на кардиналистском «изводе» теории полезности, предпринимая попытки измерения субъективной ценности и эмпирического подтверждения гипотезы максимизации. Несмотря на явную притягательность нейроэкономики, критики отмечают игнорирование нейроэкономистами контекста принятия решения и тривиальность результатов нейроэкономических исследований [7]. Этот пробел призван восполнить активно развивающийся практико-ориентированный раздел нейроэкономики – нейромаркетинг. На сегодняшний момент функционируют несколько институциональных центров нейроэкономики: Центр нейроэкономических исследований Клермонского университета (Center for Neuroeconomic Studies) и Центр исследований нейроэкономики университета Джорджа Мейсона (Center for the Study of Neuroeconomics). Основной журнал «Журнал нейронауки, психологии и экономики» («Journal of Neuroscience, Psychology, and Economics»).

Заслуживает внимание также эконофизика. Последователи данного гетеродоксального направления экономической науки (Ж.-П. Бушо, Ю. Чакрабартти, Дж. Фармер, Д. Хелбинг, Я. Кертес, Ф. Лонгстафф, Р. Мантенья, Г. Стэнли, В. Яковенко, Э. Скалас, Й. Чжан, Т. Лакс, М. Марчези и прочие) для моделирования экономических процессов используют более сложный математический аппарат, чем представители современного мейнстрима. Эконофизики предпринимают попытку описания и прогнозирования экономических систем (наиболее популярны описание финансовых рынков и анализ динамики котировок акций и различных композитных индексов) посредством инструментария современной физики (например, континуальный интеграл,

применяемый в квантовой механике и квантовой теории поля), а также подхода к изучению поведения сложных систем (эволюционные игры). Как видно из приведенного перечня методов эконофизики, её основное предназначение аналогично задачам мейнстрима и состоит в моделировании экономических процессов.

Однако мотивы поведения экономического агента в рамках моделирования эконофизиками динамики экономических систем намного сложнее и реалистичнее. Например, поведение агента от итерации к итерации усложняется, т.к. агенты могут обучаться (подражать) наиболее успешным практикам. В модель может быть включена также этическая составляющая, при этом эгоистичный мотив вовсе не исключается, а взаимодействует с другими параметрами поведения.

Эконофизика — молодое направление в экономической науке, поэтому говорить о получении действительно значимых результатов пока преждевременно. На наш взгляд, основной проблемой моделирования сложных динамических систем, даже если мы наблюдаем фрактальные объекты при анализе рядов данных в динамике, состоит в том, что входящие в модель принципы поведения агентов, описанные математически, запускаются в процесс с множеством итераций, конечный результат которых непредсказуем в строго научном смысле.

Тем не менее, эконофизика является без сомнения перспективным исследовательским направлением. На сегодняшний день во всем мире проводятся регулярные специализированные конференции по эконофизике (см. Econophys-Kolkata, Econophysics Colloquium и проч.), однако большинство тематических работ, затрагивающих эконофизическую проблематику, публикуются в журналах для физических наук, что, конечно, снижает возможности для коммуникации между эконофизиками и экономистами-мейнстримщиками.

Данная группа гетеродоксальных направлений экономической теории использует нестандартный для магистрального течения набор методов, а также стремится подвергнуть ревизии методологическое ядро «основного русла». Подводя итоги, мы можем сказать, что во многом благодаря эволюционной теории игр и институциональной эволюционной теории эволюционная экономика уже сегодня получила достаточное признание со стороны ортодоксии, наметив тренд на переход от статического к динамическому анализу. Поведенческие исследования в экономической науке и нейроэкономика получают все большую популярность в качестве дисциплин, конкретизирующих микроэкономические основания, в свою очередь инструментарий эконофизики вполне может стать новым арсеналом для моделирования экономических процессов.

3. Матрица гетерогенности и будущее гетеродоксальных направлений экономической теории

Как мы видим из приведенного анализа, гетеродоксия крайне неоднородна, в том числе и в отношении положения относительно магистрального течения. Для того, чтобы наглядно проиллюстрировать это положение, а также сделать определенные выводы относительно возможностей каждого из описанных направлений повлиять на мейнстрим, мы составили матрицу гетерогенности (рис. 1).

	Интеграция	Маргинализация
Типичные для мейнстрима методы исследования	Феминистская экономическая теория, хайекианцы, эволюционная экономическая теория	Посткейнсианство
Атипичные для мейнстрима методы исследования	Нейроэкономика, поведенческая экономика, эконофизика	Радикальная политическая экономика, ротбардианцы, левые феминисты, обновленный старый институционализм

Рис. 1. Матрица гетерогенности¹

Исходя из данной матрицы, которая представляет собой обобщение всего изложенного выше в статье, мы можем сделать следующие выводы:

1. Мейнстрим интегрирует те направления экономической теории, которые, продвигая собственные идеи, тем не менее используют типичную для основного русла форму подачи материала, а также не отвергают моделирование. Исключение — посткейнсианство, которое не вписывается в идеологическое поле основного русла в связи с преимущественно левой повесткой.
2. Реальной возможностью стать новым мейнстримом обладают только те направления, которые используют методы естественных наук, но при этом в целом исходят из предпосылок экономической теории.

¹ Матрица гетерогенности впервые была представлена автором настоящей статьи Г.А. Баженовым 8 октября 2016 г. на круглом столе «Новая экономическая реальность: уроки истории» в рамках XI Всероссийского фестиваля науки, который проходил в МГУ им. М.В. Ломоносова. Данная матрица также демонстрировалась автором на Шестой международной конференции «Капитализм и свобода», проходившей 17 апреля 2017 г. в Санкт-Петербурге.

Камнем преткновения в данном процессе выступает проблема коммуникаций с магистральным течением.

3. Такие направления как радикальная политэкономия, ротбардианство, левый феминизм и обновленный «старый» институционализм не вписываются в исследовательскую программу мейнстрима, превращаясь в маргиналов в рамках экономической науки, но при этом оформляясь в качестве самостоятельных дисциплин внутри других социальных наук.

* * *

Современный мейнстрим все меньше похож на карикатуру, усердно рисуемую его хулителями, и активно впитывает в себя достижения из тех направлений экономической мысли, которые некогда считались представителями основного русла маргинальными. В настоящее время большинство экономистов мейнстрима готовы к обмену идеями с коллегами по экономическому «цеху» и совсем не похожи на затворников, накрепко закрывшихся в «башне из слоновой кости». Это дает прекрасную возможность построить свою исследовательскую программу в сложный комплекс основного течения для тех гетеродоксов, кто готов поступиться «формой» во имя сохранения своего содержания.

Несмотря на открывающиеся перспективы, будущее гетеродоксии отнюдь не выглядит безоблачным. Во-первых, некоторые гетеродоксы предпочитают вместо выстраивания диалога с все менее догматичным мейнстримом заниматься его демонизацией. Во-вторых, некоторые доктрины основного русла противодействуют выделению гетеродоксальных течений мысли в отдельные от мейнстрима исследовательские направления. В этих условиях гетеродоксы вынуждены вместо развития собственных концепций отвлекаться на борьбу с подобными «пуристами».

Обобщая, мы можем сказать, что у современной гетеродоксии есть три основных стратегии развития:

1. Соблюдение «формы» без потери «содержания» и как следствие интеграция в сложную систему исследовательских программ мейнстрима. Данную стратегию в настоящее время используют хайекианцы, представители феминистской экономической теории и эволюционисты. В русле этой стратегии находятся и посткейнсианцы, однако их идеологическая повестка плохо совместима с своего рода «либеральным» идеологическим консенсусом внутри мейнстрима.
2. Привлечение инструментов и методов естественных наук при единовременном сохранении теоретических достижений мейнстрима: нейроэкономика и эконофизика.
3. «Исход» из сферы *economics* и, как следствие, маргинализация и превращение в раздел смежных социальных наук. Эта стратегия используется ротбардианцами, представителями радикальной политэкономии, левого феминизма и обновленного «старого» институционализма.

Литература

1. *Баженов Г.А.* Методологическая дифференциация направлений австрийской школы: маргинализация или интеграция с мейнстримом? / Известия Уральского государственного экономического университета. 2015. № 6. С. 14–22.
2. *Вулли Ф.* Феминистский вызов неоклассической экономической теории / THESIS. 1994. № 6. С. 77–100.
3. *Либман А.* Современная экономическая теория: основные тенденции / Вопросы экономики. 2007. № 3. С. 36–54.
4. *Мальцев А.* Российское сообщество экономистов: особенности и перспективы // Вопросы экономики. 2016. № 11. С. 135–158.
5. *Мальцев А.А., Баженов Г.А.* Теоретико-методологическая архитектура российского сообщества академических экономистов / Известия Уральского государственного экономического университета. 2016. № 4. С. 13–22.
6. *Мальцев А.А.* Экономические идеи и мирохозяйственная среда: ретроспектива взаимодействия. Екатеринбург: Издательство УрГЭУ, 2014. С. 272–276.
7. *Раквиашвили А.А.* Нейробиология и новые возможности экспериментальной экономики / Вопросы экономики. 2015. № 12. С. 124–137.
8. *Alston R.M., Kearl J.R., Vaughn M.B.* Is there a consensus among economists in the 1990s? / American Economic Review, 1992. Vol. 82. No. 2. P. 203–209.
9. *Boettke, P.* Living Economics: Yesterday, Today, and Tomorrow. Oakland: The Independent Institute, 2012.
10. *Colander D.* The making of an economist redux / Journal of Economic Perspectives. 2005. Vol. 19. No. 1. P. 175–198.
11. *Colander D.* The Making of Economist. Redux. Princeton: Princeton University Press, 2007.
12. *Colander D., Holt R., Rosser B.* The Changing Face of Mainstream Economics. 2003. <http://community.middlebury.edu/~colander/articles/Changing%20Face%20of%20Mainstream%20Economics.pdf>
13. *Colander D., Klammer A.* The making of an economist / Journal of Economic Perspectives, 1987. Vol. 1. No. 2. P. 95–111.
14. *De Benedictis L., Di Maio M.* Schools of thought and economists' opinions on economic policy. Unpublished manuscript, 2012. <http://www.siecon.org/online/wpcontent/uploads/2012/08/DeBenedictis-DiMaio.pdf>.
15. *Frey B.S., Humbert S., Schneider F.* What is economics? Attitudes and views of German economists / Journal of Economic Methodology, 2010 Vol. 17, No. 3. P. 317–332.
16. *Gordon R., Dahl G.B.* Views among economists: Professional consensus or point-counterpoint? / American Economic Review: Papers and Proceedings, 2013. Vol. 103. No. 3. P. 629–635.
17. *Mearman A.* Who Do Heterodox Economists Think They Are? University of the West of England Working Paper. 2009. No. 915.
18. *Whaples R.* Do economists agree on anything? Yes! / The Economists' Voice, 2006. Vol. 3. No. 9. P. 1–6.
19. *White A.* It's a maths maths world! / Student Economic Review, 1993 Vol. 7. P. 1–5.